

Сьюзен Сэрэндон — О кино, политике и семье

— Ваши дети посмотрели фильм "Где угодно, только не здесь"?

— Я показала его Еве, потому что рассматривала эти съемки как генеральную репетицию того, чего я не должна делать с детьми в реальной жизни. После просмотра спросила ее: "Тебе было забавно?" Она ответила: "Да, но тебе, по моему, было совершенно не забавно".

— А когда вы сами были подростком, ваша мать когда-нибудь задевала вашу гордость?

— Думаю, матери для этого и существуют! (смех) Потому что достаточно поцеловать своего ребенка перед его друзьями — и он уже смущается. Это нормально — лучше пусть дети знают, что родители о них беспокоятся. Мне нравится в моей героине Адель то, что она не перестает быть собой даже после того, как становится матерью.

— А вы? Обретя детей, вы не почувствовали, что им принадлежите больше, чем себе?

— Да, это неизбежно. Ты все время стараешься все делать правильно и в конце концов становишься занудой. Иногда полезно оставить в доме бардак и уйти на улицу подумать. Или поскандалить. Никогда нельзя забывать, что ты пришел в этот мир, чтобы тебе было интересно и весело.

— Вам пришлось бороться за роль в фильме "Где угодно, только не здесь". Вы всегда сражаетесь с шоу-бизнесом?

— Эта тема стара как мир. Когда я снималась в телефильме "Блага земные" на HBO, шли бесконечные разговоры о том, что это роль не для меня, что я не могу быть смешной. Как будто я никогда не играла в "Даремском быке". У людей короткая память.

— Вам больше нравится работать с режиссером-мужчиной или режиссером-женщиной?

— Я не думаю, что пол режиссера имеет какое-то значение. Лучшие роли для женщин написал Теннесси Уильямс. Уэйн Уонг понимает и любит женщин. А работая с некоторыми режиссерами-женщинами, я чувствовала их неприязнь.

— Ходили слухи, что, когда Натали Портман решила не сниматься из-за обнаженки, вы объявили, что с другой партнершей играть не станете.

— В сцене, из-за которой поднялся шум, главное было то, что девочка полностью контролирует ситуацию. Обнажена она при этом или нет — неважно. Суть сцены сохранилась. Если Натали не хотела сниматься обнаженной — это ее право.

— Вы бы действительно ушли, если бы сцену не переделали?

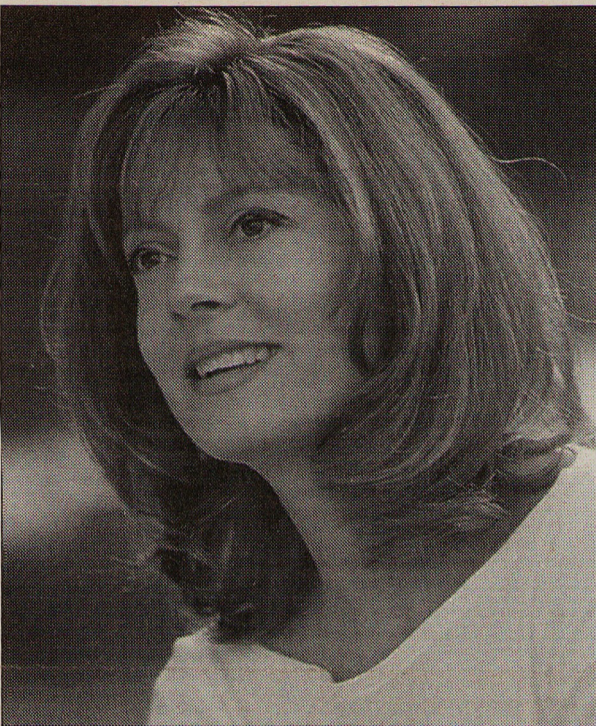
— Сейчас в Голливуде много хороших актрис подросткового возраста, но Натали отличается умом, грацией и здоровьем — причем все это совершенно естественно. Мне очень хотелось с ней работать.

— Вы сами когда-нибудь отказывались сниматься обнаженной?

— Да, я не снималась полностью обнаженной до "Голода". В любовной сцене важно то, что происходит до и после барахтания в постели. Ведь когда герои беседуют во время обеда, для зрителя

В 53 года Сьюзен Сэрэндон остается неоспоримой звездой в Голливуде, где к стареющим женщинам обычно относятся без энтузиазма. Помимо съемок в кино, Сэрэндон и ее спутник жизни Тим Роббинс активно занимаются политикой и воспитывают троих детей — двоих "общих" сыновей и Еву, дочь Сэрэндон от предыдущей связи.

В текущем сезоне Сэрэндон снялась в двух фильмах — экранизации романа Моны Симпсон "Где угодно, только не здесь" и ретро-драме из жизни шоу-бизнеса "Колыбель будет качаться". В первом фильме, поставленном Уэйном Уонгом, Сэрэндон сыграла взбалмошную мать девочки-подростка (Натали Портман), которая увозит дочку из провинциальной глуши к "настоящей жизни", каковой ей видится Беверли-Хиллз. Во втором, поставленном Тимом Роббинсом по собственному сценарию, Сэрэндон играет итальянскую фашистку.

лей не акцентируются процесс поглощения пиццы. Середину процесса каждый заполнит в меру своего воображения. Главное — чем эти люди отличаются от других пар?

— На телевидении о вас сняли фильм-биографию. Что вы испытали, увидев, как вашу жизнь уложили в 45 минут экранного времени?

— По-моему, получилась очень скучная жизнь. По моим воспоминаниям все было гораздо труднее и неоднозначнее. В раннем детстве я была примерной католической девочкой, которая по вечерам молилась Богу, чтобы в мире все было хорошо. Католический университет радикализировал меня. Поймите, это были времена, когда существовало четкое деление на хорошее и плохое, и никто не знал об антидепрессантах. Если человек был зол на мир, его не пичкали лекарствами до полного отупения. Взросление в том мире было чудесным и страшным.

— Эта телебиография — инновационный ракурс на вашу жизнь?

— Настоящий ракурсом для меня стала юбилейная передача "Прямого эфира в субботу вечером". Я снова увидела столько умерших друзей! Я смотрела и думала: "Боже, какое счастье, что я жива!"

— Ваша дочь не собирается стать актрисой?

— Она очень современный человек, она хочет контролировать жизнь гораздо жестче, чем могут позволить себе актеры. К тому же актерская профессия лишена для нее ореола таинственности — она видит, как этим занимаются ее родители.

— Как вы думаете, ей трудно расти в семье знаменитых людей?

— Здесь есть плюсы и минусы. Она встречалась с Леонардо Ди Каприо. Она встречалась с Джеймсом Ван Дер Биком. Иногда дети видят, как люди останавливают меня на улице и говорят что-то приятное. Иногда они видят, как меня арестовывают. Дети знают, что они из привилегированной семьи, но они также знают, что ответственность растет пропорционально привилегиям. Я никогда не стремилась вырастить детей, которых называют "нормальными". Моя задача — вырастить детей, которые смогут найти себя. Я говорю им, что цель жизни — найти людей, которые тебя понимают и показать все лучшее, на что ты способен.

— Вы говорите с детьми о политике?

— Конечно, если уж они видят, как арестовывают их мать, то они должны понимать, из-за чего. Я объясняю им, почему так происходит. Один раз я даже принесла им мой наручники. Они должны знать, что маму взяли не из-за наркотиков или мошенничества.

— Вы не боитесь, что ваши дети вырастут убежденными консерваторами? Ведь дети всегда стараются вести себя вразрез с родительскими установкам.

— Это вполне возможно. Вот почему я никогда не ставляю детей делать то, что им неинтересно. Они знают главное — если человек держит рот на замке, значит, он помогает врагам. Но это не значит, что нужно обязательно стать лжекритиком.

— В фильме "Колыбель будет качаться" вы играете небольшую роль красотки-фашистки из Италии, хотя в фильме есть женская роль побольше — я имею в виду да-

му-конгрессмену.

— Думаю, люди уже устали видеть меня возле здания Конгресса! (смех) Если говорить серьезно, мне хотелось сыграть роковую женщину в полном смысле слова.

— "Колыбель" разоблачает цензуру 30-х годов. А в реальной жизни вы недавно боролись против решения мэра Нью-Йорка закрыть английское скандальное шоу "Сенсация!" в Бруклинском музее искусства.

— Я считаю, что все люди должны иметь право посмотреть пьесу, или балет, или оперу — а не только богачи. Государство должно помогать искусству не меньше, чем корпорациям. Хотя, конечно, здесь возникает неразрешимое противоречие. Если вы хотите создать произведение искусства, призывающее к свержению правительства, обязано ли оно вам помогать? (смех)

— Так или иначе, вы протестовали против решения мэра.

— Мэр Джулиани хотел закрыть всю выставку только потому, что он баллотировался в сенат, и ему нужно почтее видеть свое имя в газетах. Искусство его никогда не интересовало. Это был чисто политический ход.

— Трудно ли снимать кино, не впадая в морализаторство?

— Люди говорят, что мы с Тимом делаем чисто политические фильмы. А вам не кажется, что "Спасение рядового Райана" — тоже сугубо политический фильм? Этот фильм укрепил стереотипы и объяснил американцам, что такое героизм. Каждый фильм вносит вклад в нашу культуру, учит молодежь, какими они должны быть и как должны выглядеть. Любой образ воздействует на людей, и, следовательно, является политическим. Любой фильм имеет точку зрения, и, следовательно, является политическим. Думаю, самым замечательным фильмом с политической точки зрения стал "Чокнутый профессор", потому что в нем положительным героем впервые стал толстяк. А подтянутый молодец оказался полным придурком. Это же революционное кино!

— В "Колыбели" также затрагивается большая тема продажности шоу-бизнеса. Вы согласны с тем, что шоу-бизнес продажен по своей натуре?

— Эй, я же пришла на это интервью! Я отвечаю на ваши вопросы в надежде, что люди прочитают и пойдут смотреть "Колыбель". Это не боевик, поэтому нам нужно лезть из кожи вон, чтобы его заметили.

— Я имею в виду другую продажность. Например, многие актеры рассуждают

так: "Я снимусь в крупнобюджетном фильме, а потом смогу сделать малобюджетный фильм по своему вкусу!".

— Здесь все опять же сложнее, чем кажется на первый взгляд. Я не откажусь от проекта только потому, что он крупнобюджетный. И не соглашусь на проект только по причине его независимости от крупных студий. Для меня самое главное — история. Потом — люди, которые будут ею заниматься.

— Вы никогда не думаете о том, что вам нужно зарабатывать деньги на обучение троих детей?

— Да бросьте вы! Мне же платят не по три доллара в час! Просто нужно уметь вести достаточно скромную жизнь, чтобы не нужно было сниматься в фильмах, которые тебе неинтересны.

— Трудно ли сохранять бунтарский дух, зарабатывая миллионы долларов?

— Я стараюсь сохранить прежнее отношение к жизни. А оно очень простое: я не хочу тратить время зря и не хочу надолго расставаться с детьми. Я стараюсь сниматься в одном фильме в год и выбирать самый лучший проект из всех предложенных.

— Трудно ли защищать интересы народа, живя в пентхаусе?

— Я не живу в пентхаусе. Мне кажется, что лицедейство должно развиваться в человеке воображение и сочувствие. Сейчас, когда многие мои друзья умерли или умирают от СПИДа, я не могу не думать, что мне придется работать и за них тоже.

— Значит, богатство не изолировало вас от жизни?

— Изолируют не деньги. Одна из причин, по которой я не живу в Лос-Анджелесе, — то, что там даже бедные люди практически изолированы от мира. Ты все время в машине. Нью-Йорк — хороший город, потому что в нем нет заикленности на кино.

— Вы не боитесь выпускать ваших детей на улицу без телохранителей?

— Все в моем квартале знают, кто я такая, и стоит мне позвать на помощь, она придет немедленно.

— Каков ваш следующий кинопроект?

— Пока не знаю. Мне хотелось сделать киноверсию книги "Молитвы о Бобби", но там поднимается очень тяжелая проблема и мне страшно за нее браться. Это реальная история о мальчике из религиозной семьи, которого лечили от гомосексуальности: в конце концов он покончил с собой. Его мать пытается понять, есть ли в случившемся ее вина. Наверное, я еще немного отдохну, подумаю, а потом соберу войско в кулак, и — вперед!

Сьюзен ХОУАРД